

СОВЕТСКАЯ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА В ЭПОХУ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

(1946 – 1983)

Введение

В годы разрядки, и особенно после военной интервенции в Афганистане, и друзья Советского Союза, и его недруги воспринимали эту страну в качестве беспокойной, угрожающей силы. Западные специалисты по Советскому Союзу в большинстве делают упор на изучение роста советских вооруженных сил, военной доктрины, стратегии и других военных аспектов советской внешней и внутренней политики. Однако военно-экономическая доктрина СССР и ее приложения были по непонятным причинам обойдены их вниманием. Между тем речь идет о долгосрочной военно-экономической доктрине, о военно-политических факторах, оказывающих решающее влияние на советское хозяйство, административную структуру, военную мощь и систему принятия военных решений. Военно-экономическая политика СССР влияет на баланс сил в мире, она определяет статус советской военной машины в каждый данный момент и, что весьма существенно, сказывается на советских оценках будущего соотношения сил между основными военными блоками. Очевидно, что знание советской военно-экономической доктрины и ее приложений может послужить важным подспорьем при определении военной мощи и долгосрочных политических целей Советского Союза.

Во избежание возможных разночтений следует отметить, что в советской терминологии существует семантическое различие между предметом „военная экономика”, т. е. изучение с военной точки зрения народного хозяйства в целом, и „военным хозяйством”, – узкой сферой инвентаря вооруженных сил.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Опыт второй мировой войны укрепил советское руководство во мнении, что военно-экономический потенциал страны является одним из решающих факторов победы. Реализация военной доктрины и стратегии непосредственно зависит от масштабов и технического уровня промышленности. Этот тезис служил краеугольным камнем советской военной политики с первых послевоенных лет и до недавнего времени. Правильность его никогда не ставилась под сомнение на всем протяжении советской истории и в ходе многочисленных перетрясок правящей элиты. По словам советского специалиста:

„Содержание и основные направления развития как советской военной доктрины, так и советской военной науки всегда и на всех этапах их развития определяет Коммунистическая партия в соответствии с изменениями военно-политической обстановки в мире и с учетом непрерывно растущего экономического потенциала Советского государства”.¹

Исходя из этого, беспрецедентная мощь Красной Армии сразу после второй мировой войны не считалась сама по себе достаточным основанием для коренного изменения военной доктрины. Необходимым условием для этого был подъем промышленности, науки и техники до уровня, обеспечивающего снабжение советских вооруженных сил наиболее современным вооружением, включая ядерное.

Некоторые западные исследователи иногда высказывают

точку зрения, близкую к официальной советской, а именно, что изменение американских стратегических оценок в 1950 г. и переориентация на освобождение покоренных Советским Союзом народов, привела к кардинальному пересмотру (советских) предпочтений, принудив СССР включиться в гонку вооружений и глобальный активизм. Другие авторы полагают, что советская военная политика объясняется скорее бюрократической инерцией, нежели реакцией на определенные ситуации, а также что радикальная модернизация советских вооруженных сил стала возможной только после смерти Сталина.² Однако обзор мер по вооружению СССР в послевоенный период и анализ советской военно-экономической политики опровергает эти утверждения. По словам А. Сахарова, „начиная с 1945 г., неотступный процесс расширения сферы советского определяющего влияния – объективно это не что иное, как общемировая советская экспансия. По мере экономического, хотя и одностороннего, и научно-технического усиления СССР, и его военного усиления, этот процесс становится все более широким. Сегодня он приобрел масштабы, опасно нарушающие международное равновесие”.³

Известный польский экономист Э. Липиньский указывал, что Советский Союз увеличивает свою военную мощь не от страха перед другими державами, а чтобы заставить мир бояться себя.⁴

Советская ядерная программа была развернута к концу 1942 г., несмотря на все трудности военного времени. В конце 1946 г. вступил в строй первый советский реактор, а в 1949 г. Советский Союз уже располагал атомной бомбой. Водородную бомбу там испытали в августе 1953 г., намного раньше чем в Соединенных Штатах. Одновременно осуществлялась и ракетная программа. Первая модель Р-1 была испытана в 1947г.; в 1950г. – усовершенствованная модель Р-2, тогда же принятая на вооружение. В 1957 г. опять-таки раньше Соединенных Штатов, Советский Союз провел успешные испытания орбитальной ракеты-носителя. По-видимому, Советский Союз исходил в своей программе вооружений из анализа соответствующих промышленных, научно-технических и экономических возможностей, а не в ответ на возможные воинственные или же миротворческие акции своих оппонентов. Это же можно сказать об изменениях советс-

кой военной доктрины и стратегии. Только отсталостью советской промышленности, науки и техники объясняется тот факт, что до 1953 г. советская доктрина была ориентирована на ведение войны с помощью обычного оружия.⁵

В конце 50-х годов Советская армия была оснащена межконтинентальными ракетами. Как отметил генерал А.А. Епишев, принятие новых видов оружия потребовало создания исследовательских центров, полигонов, специальных частей и родов войск. Только к концу 50-х годов Советская армия была оснащена достаточным количеством ядерного (оружия) и электроники, а военная промышленность достигла уровня, обеспечивающего Советский Союз полноценной материальной базой для выработки новой военной доктрины, отвечающей требованиям ядерного века.

По словам же маршала Соколовского, появление ядерного оружия и стратегического оружия дальнего действия явилось причиной, которая „привела к тому, что современная война будет вестись принципиально иными способами по сравнению с прошлыми войнами.”⁶

В 1956–1953 гг. Академия Генерального Штаба подготовила ряд работ о новых путях решения стратегических и прочих проблем современной войны. В работе А.Н. Лаговского освещались вопросы материально-технического снабжения в ходе операций с применением ядерного оружия. Однако весь комплекс экономических и военных последствий использования ядерного оружия был разработан только к концу 50-х годов.⁷ В 1959 г. Генеральный Штаб создал радикально новую учебную программу для советских военных академий, построенную на идее ракетно-ядерной войны. Эта программа включала чрезвычайно сложные военно-экономические проблемы, вызванные принятием такого метода вооруженной борьбы:

„К 1959 г. все лучшие головы Генштаба сходились на том, что советская военная доктрина нуждается в пересмотре. Стратегию будущего следовало разработать, исходя, в первую очередь, из наличия ядерного оружия и ракет. В 1960 г. журнал „Военная мысль” начал публикацию прежде секретной подборки статей

о проблемах будущей войны и новой советской военной доктрины”.⁸

Мнения относительно роли того или иного вида оружия или рода войск варьировались, но ни один из советских руководителей или военачальников ни словом не обмолвился о „немыслимости” ядерной войны. Г. К. Жуков, Р. А. Ротмистров, Р. Я. Малиновский, В. Д. Соколовский и другие продолжали говорить о полной победе в ядерном конфликте со странами НАТО. Так, Малиновский писал:

„Наша страна велика и обширна. Она менее уязвима, чем капиталистические страны. Но мы ясно отдаем себе отчет в том, что это была бы для нас исключительно тяжелая война. Мы глубоко убеждены, что в этой войне, если империалисты ее нам навяжут, победит социалистический лагерь, а капитализм будет уничтожен навсегда”.⁹

Многие советские военачальники утверждали, что „победа одной стороны зависит от ее подготовленности и способности закончить войну в как можно кратчайший срок”.¹⁰ Эта стратегическая предпосылка была поддержана Хрущевым и породила далеко идущие выводы, в частности, о том, что условия, определявшие ход прошлых войн, ныне утратили значение. Более того, оценка решающих факторов, военно-экономического потенциала, требует в ядерный век нового подхода и рассмотрения проблем. Так, появилась необходимость дифференцированно оценивать потенциал воюющих сторон в начале и в ходе военных действий. Экономическая мощь даже наиболее развитых в промышленном отношении стран может быть быстро уничтожена, в то время как лучше защищенный экономический потенциал менее развитого в промышленном отношении государства, лучше организовавшего защиту своей территории от ядерных разрушений, может сыграть серьезную роль как в войне, так и после ее завершения.

Маршал Соколовский писал:

„Возникает вопрос, в чем может заключаться в этих условиях главная военно-стратегическая цель войны: в разгроме вооруженных сил противника, как это было в прошлом, или в уничтожении и разрушении объектов тыла страны и его дезорганизации?”

Ответ на этот вопрос теория советской военной стратегии дает такой: обе эти цели должны будут достигаться одновременно. Уничтожение вооруженных сил противника, разрушение объектов тыла и дезорганизация его является единым, неразрывным процессом войны...

Одной из характерных особенностей будущей войны явится ее огромный пространственный размах. Решительность политических и военных целей сторон обуславливает ведение вооруженной борьбы не только в зоне боевого соприкосновения сторон, но и, по существу, на всей территории государств — участников воюющих коалиций, поскольку обе стороны будут стремиться полностью дезорганизовать тыл противника. Массовость, высокая стратегическая маневренность и дальнобойность средств поражения обеспечивают огневое воздействие на противника на всей его территории, включая самые удаленные ее районы...

Война будет вестись не только на суше и на морских и океанских просторах, но и на коммуникациях большого протяжения. В понятие „пространственный размах” войны в будущем потребуются внести существенное дополнение, поскольку военные действия могут охватить и космос”.¹¹

Несмотря на подавляющую воображение разрушительную силу ядерного оружия советский Генеральный штаб не исключал возможность, что война может затянуться на несколько лет. Соответственно, советская военная доктрина в начале 60-х годов включала директиву „добиться победы в ходе быстротечной войны (с помощью молниеносного удара), но быть готовым и к войне продолжительной”.¹² С тех пор советская военная доктрина развивалась с учетом возможных альтернатив развития военных действий, но дальнейшие изменения были скорее

количественными, чем качественными, отражали этапы военно-технического и экономического развития, и вводились, как правило, вслед за важными политическими событиями, например, в связи с переменами внутри блоков НАТО и Варшавского договора, с появлением на стыке 50-х и 60-х годов множества независимых государств в Азии и Африке; вследствие советско-китайского конфликта с Китаем, все обострявшимся и достигшим пика в начале 60-х годов. Все эти события отразились на советской военной стратегии в 60-е и 70-е годы, включая ее военно-экономический аппарат и мобилизационную политику.

Советские историки различают в развитии военной доктрины и стратегии в послевоенный период два основных этапа — с 1945 по 1953 г. и с 1954 г. по сей день. Окончание первого этапа и наступление второго было вызвано отнюдь не уходом со сцены Сталина, а успешным испытанием в 1953 г. водородной бомбы и появлением в середине 50-х годов новых мощных ракет. При анализе влияния на развитие советской военной доктрины количественного и качественного соотношения экономической, технической и военной мощи СССР и НАТО, период, начавшийся в 1953 г., можно разделить на три этапа:¹³

Первый начался в середине 50-х годов и продолжался до середины 60-х. В течение этого десятилетия советские вооруженные силы были оснащены межконтинентальными и тактическими ракетами с ядерными боеголовками. Стратегия ядерной войны разрабатывалась шаг за шагом, и с очевидностью выявилось влияние этого фактора на военно-экономическое и военно-промышленное планирование.

Второй этап продолжался с середины 60-х до середины 70-х годов. Тогда впервые был достигнут военный паритет Варшавского договора с НАТО как по количеству, так и по качеству многих решающих видов вооружения. Советский Союз сумел использовать в своих интересах появление десятков новых государств в так называемом третьем мире, начав массовый экспорт оружия. Это было сопряжено с соображениями не только политического, но и экономического характера. Экспорт оружия стал подспорьем в развитии сильной военной промышленности, способной производить в массовых масштабах любой вид оружия. Процветающий оружейный бизнес, охватив прибли-

зительно 50 разбросанных по всему миру стран, помог Советскому Союзу добиться постоянной материально-мобилизационной готовности вооруженных сил благодаря массовым складским запасам и экономически облегчил постоянную модернизацию оружия.

Третий этап начался в середине 70-х годов, когда советское руководство поставило перед собой цель обогнать НАТО по качеству военной продукции, исследований и разработок, а также освоить принципиально новую военную технологию ради снижения уязвимости советского хозяйства и вооруженных сил в случае ядерной войны. На этом этапе накопленные запасы ядерного оружия, и усовершенствованные средства связи и транспорта сделали возможным советское вмешательство — путем доставки сил по воздуху или по морю — в любой точке земного шара, независимо от расстояния.

Это, в сочетании с советско-американским ракетно-ядерным паритетом, формально признанным в ходе переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) позволило Советскому Союзу осуществлять военное противодействие „империалистическому влиянию” в мировом масштабе. Такая возможность плюс вдохновляющая перспектива достижения превосходства над НАТО в области военной технологии укрепили уверенность советского руководства в правильности выбора целей и средств их военных усилий. На протяжении именно этого позднейшего этапа советские политические руководители и военачальники пришли к убеждению, что фактическое соотношение военной мощи делает возможным для Советского Союза начать, пережить и выиграть ядерную войну. Эта идея отразилась на всех аспектах советского военного планирования и деятельности.

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Советские руководители осторожно изменили курс оборонной политики применительно к новым условиям, порожденным военно-технической революцией и коренными политическими переменами на международной арене. Создание мощной воен-

ной машины открыло новые возможности для политической и территориальной экспансии, в то время как риск провалов, наподобие вынужденного отступления в ходе берлинской и кубинской авантюры, был сведен к минимуму.

„Советы не выбирают между сдерживанием и войной, — писал капитан 2-го ранга Стивен Кайм. — Из дискуссии по этому поводу на Западе создается впечатление, что они должны выбрать одно из двух, на самом деле они принимают и то и другое. Война и вооруженные силы и в ядерный век остаются „инструментом политики“, хотя „масштабы“ ядерной войны и ее результаты привели к изменению в их взаимоотношениях... По мнению советского руководства, если война Востока с Западом окажется неминуемой в силу каких бы то ни было причин, лучший путь сражаться и победить — атаковать первым и как можно более эффективно. Существует опасная асимметрия в подходе к этой проблеме на Востоке и на Западе. Многие западные аналитики одержимы идеей ядерного равновесия и озабочены, главным образом, тем, что война может начаться. Советские же военные стратеги составляют свои планы, не упуская из виду того, чем эта война может закончиться.”¹⁴

Идея о возможности победы в ядерной войне и проблемы восстановления после ее окончания являются одним из характернейших аспектов публикаций советских военных специалистов. В Советском Союзе трудно найти статью или книгу, в которой ядерная война рассматривалась бы как конец света. В то же время для поддержания разрядки и облегчения доступа к западной технологии организовываются и приветствуются „мирные демонстрации“ в Соединенных Штатах и Западной Европе, а военная литература, предназначенная для внешнего мира, выдержана в умеренных тонах.

Есть основания предполагать, что руководящие органы советской пропаганды ограничивают публикацию статей и книг на темы о военно-техническом превосходстве и победе в ядерной

войне. Можно привести множество примеров двуличия в советских печатных и устных заявлениях, содержание и тон которых определяются тем, для какой аудитории они предназначены. В некоторых статьях ядерный конфликт признается катастрофой для всего человечества.¹⁵ Так, например, генерал Г. В. Средин, начальник Военно-политической Академии им. Ленина, писал, что атомная война может не только отбросить человечество на много веков назад, но и полностью уничтожить цивилизацию и сделать невозможной саму жизнь на Земле.¹⁶ Эта фраза по тону напоминает интервью Брежнева журналу „Шпигель”.¹⁷ Однако тому же Средину принадлежат высказывания, выдержанные в совсем другом ключе. Он отвергает либерально-буржуазные сомнения в приложимости тезиса Клаузевица о войне как инструменте политики к условиям ядерного века. Средин утверждает, что и в войне будущего, которая будет вестись с использованием ракетно-ядерного оружия, определение Клаузевица полностью сохранит свою значимость. Средин подвергает критике западных пацифистов за неприятие любых форм насилия и войны, в том числе революционных и справедливых войн.

„В борьбе за мир, за предотвращение ядерной войны марксисты-ленинцы выступают вместе с различными партиями, течениями, организациями, в том числе и с пацифистскими. Коммунисты поддерживают пацифистов в их антивоенной деятельности, в стремлении сохранить мир, видят, что основная масса их — миролюбиво настроенные простые люди доброй воли, которым, однако, свойственны иллюзорные представления о войне и мире. Коммунисты искренне и честно стремятся помочь пацифистски настроенным массам преодолеть эти иллюзии, стать политически более зоркими и стойкими.

В чем конкретно выражаются эти иллюзии? В том, что пацифисты в теории и на практике осуждают всякое насилие, в том числе и революционное, отвергают любые войны, в том числе справедливые, освободительные; не видят связи войны и мира с классовой политикой. Пацифизм пытается решить проблему войны и мира вне борьбы классов и социальных систем... Многие из них верят в утопи-

ческие идеи упрочнения мира посредством „морального совершенствования человечества” и соблюдения „всеобщей” абстрактной морали”... Коммунисты же связывают борьбу за мир с борьбой против угнетения народов других стран, против вмешательства во внутренние дела суверенных государств...”¹⁸

Истинные взгляды и намерения советского руководства относительно ядерного конфликта более развернуто формулируются в материалах, предназначенных исключительно для внутреннего пользования. В брошюре для местных органов власти, в которой разъясняется их роль в случае атомной войны, нет и намека, что такая война может иметь катастрофический характер.¹⁹ На Западе литература на эту тему чрезвычайно обширна, но авторы расходятся во мнениях о способности ядерных держав выиграть ядерную войну.²⁰ Некоторые авторы указывают на различия в риторических заявлениях и реальной оценке ситуации в советской литературе о войне. При этом риторика оценивается как выражение оторванной от практических соображений идеологии и приписывается „демагогам-политрукам”, и отмечается реализм штабных офицеров и командных кадров.²¹ Этот схоластический подход не подтверждается анализом советских военных источников. Да и проблема, собственно, не в том, считают ли советские руководители войну продолжением политики безотносительно к степени разрушительности. Они помнят, что Кутузов одержал верх над Наполеоном ценой сожжения Москвы и что победа в войне 1941—1945 гг. обошлась в 20 млн. жертв и 1700 разрушенных городов. Советский народ гордится тем, что Ленинград не сдался врагу, несмотря на 900-дневную блокаду и гибель более чем половины населения города (около 1 млн. человек). Поскольку обычное современное оружие несравнимо по мощи с оружием, которое использовалось во второй мировой войне, то даже неядерный конфликт может привести к уничтожению городов и даже целых народов. Проблема не в том, готовы ли советские руководители начать ядерную войну, а в том, будет ли Советский Союз и его „союзники” вести войну против НАТО с намерением ее „выиграть”, даже если эта война станет атомной. Разница между „победой” и „выживанием” в этом контексте чисто академическая.²²

Кроме советской теоретической литературы на военную тему чрезвычайно важно, что Советский Союз *предпринимает для подготовки к будущей войне* и каковы инструкции военачальникам на случай войны. Экономические и политические аспекты этих приготовлений стали решающим фактором текущей советской политики — как внутренней, так и внешней. Поэтому любой серьезный анализ должен включать рассмотрение советской военной и организационной структуры, равно как и оборонной политики, особенно — их экономических аспектов. Заметим, что ни одно правительство, даже тоталитарное, не может тратить ежегодно миллиарды долларов, ставя, при этом, свое население в известность, что целью этих расходов является война, которая, возможно, приведет к гибели человечества. Военачальники, день за днем готовящие миллионы солдат действовать в неопределимых трудных условиях, не могут позволить себе признание, что приготовления ведутся к войне, которая продлится несколько часов и уничтожит мир. Даже с частной точки зрения оправдания расходов и усилий, у советской военной литературы не остается другого выхода, как настаивать на том, что Советский Союз выстоит и выиграет ядерную войну с НАТО.²³ Такое направление мысли само по себе имеет собственную внутреннюю логику, чреватую далекоидущими последствиями.

Советская военная элита включает десятки тысяч старших офицеров, сотни генералов и маршалов. В связанных с обороной сферах деятельности постоянно занята многочисленная группа партийных и промышленных бюрократов. Этот влиятельный общественный слой, обеспечивающий бесперебойность работы гигантской военной машины, уже фактом своего существования способствует утверждению идеи целесообразности ядерной войны. Более того, ежедневная рабочая рутина укрепляет большинство из этих людей в вере, что решительная и окончательная победа может и должна быть одержана. Их преданность и усилия доказали свою плодотворность; народ, к которому они принадлежат, находится на пути к беспрецедентному в своей истории могуществу. К тому же, национальная социо-политическая система и культурная традиция безусловно совместимы с милитаристской политикой.

„Легитимность КПСС неразрывно связана с советскими военными достижениями. Режим пришел к власти в побежденной России. С полным основанием партия приписывает себе заслугу превращения Советского Союза в одну из двух военных сверхдержав современного мира. Огромные жертвы были принесены ради этого, но вину за них население не возлагает на руководство партии. Запад не должен недооценивать важность того факта, что военная мощь есть основной инструмент сплавления патриотизма с советской формой правления”.²⁴

Достижение количественного и качественного превосходства в военной мощи над потенциальным противником — такова логика политики вооружений и такова основная заветная цель советского руководства. Цель эта была конституционализирована в программе КПСС 1961 г., где специально подчеркивалось, что *основная задача* партии в военной сфере заключается в таком развитии советских вооруженных сил, чтобы стало возможным полное уничтожение любого врага СССР.²⁵

Не следует понимать это как пропагандистскую фразу. Скорее это концептуальная основа советской военной доктрины, согласно которой Советский Союз не только выживет в ходе ядерной войны, но и выйдет из нее победителем, полностью разгромив своих противников. Революция в советской военной мысли имеет свои корни в появлении ракетно-ядерного оружия, но непрерывающееся развитие советской электронной и космической технологии и военной промышленности в целом, и расширение интересов СССР в третьем мире стали дополнительным фактором изменения военных целей, укрепив уверенность в себе советских политических руководителей и военачальников. Шаг за шагом эти факторы способствовали формулированию оборонной политики, построенной на допущении, что выживание и победа в ядерной войне реальны и возможны при условии выполнения ряда необходимых военных, технических, экономических и организационных программ. На основании этого можно сделать следующие выводы:

— любая война между странами НАТО и Варшавского договора будет ядерной. Не будет, следовательно, „зоны боевых действий”, так что и войска и глубочайший тыл должны быть готовы к войне с применением ядерного, химического и бактериологического оружия;

— в век межконтинентальных ракет и космической технологии устаревшая концепция мобилизации должна быть полностью пересмотрена: фактор времени становится все более проблематичным при составлении планов военной готовности и разработке мер по обеспечению выживания;

— хотя советская военная мысль продолжает пребывать под сильным влиянием концепции массовых армий и массового военного снабжения, все больший упор делается на науку и современную технику. Советский специалист недавно заметил, что в наше время оборонный потенциал страны определяется не столько числом бойцов, сколько имеющейся в ее распоряжении огневой мощью и средствами доставки;²⁶

— поскольку техника стала решающим фактором военной мощи, все военно-технические открытия должны храниться в глубочайшем секрете до их принятия на вооружение или обнаружения разведкой противника;²⁷

— секретность, сюрприз, инициатива и наступательный дух должны доминировать во всех сферах военной активности, особенно при подготовке и проведении операций;

— военную мощь необходимо постоянно развивать безотносительно к любым международным соглашениям: для СССР приемлемы лишь *выборочные* соглашения, т. е. ограниченные тем, что в политическом, экономическом или военном отношении удобно для Советского Союза, или же если они могут быть обойдены путем обмана и засекречивания.

Устремленность Советского Союза к военному превосходству над своим потенциальным противником проистекает из решимости воспрепятствовать любым попыткам противостоять советской глобальной политике, т. е. — военным действиям СССР (Афганистан), действиям политическим и дипломатическим, как, например, нарушение и подрыв международного правопорядка и, напротив, организация и поддержка „антиим-

империалистических выступлений".²⁸ „Мирное сосуществование” не должно служить препятствием расширению сфер влияния „антиимпериалистических государств”. По словам советского автора,

„Основоположники марксизма никогда не отождествляли понятия „оборонительная война” и „оборонительные операции”, „наступательная война” и „наступательные операции”. Они считали, что государства, ведущие оборонительные, т. е. справедливые войны, имеют законное право вести наступательные действия, продиктованные ходом военных событий. Развивая и конкретизируя это марксистское положение в условиях агрессивных происков международного империализма, пытавшегося задуть первое в мире социалистическое государство, В. И. Ленин считал обязательным применение наступательного вида военных действий”.²⁹

Согласно советской военной доктрине, советские вооруженные силы должны быть в состоянии в течение первых часов или дней с момента начала боевых действий уничтожить или оккупировать все основные центры наличной или потенциальной военной и экономической мощи противника. Вражеские и нейтральные оккупированные территории должны быть использованы для усиления советского военного тыла и повышения способности Советского Союза к выживанию.³⁰

Война будет вестись между двумя основными противниками — странами Варшавского Договора и странами НАТО. Следовательно, каждый член блока становится составной частью его военной силы, а сплоченность блоков — важным фактором этой силы.³¹ Территория Советского Союза и его союзников должна защищаться всеми военными и организационными средствами, чтобы выжить при обмене ядерными ударами и поддерживать снабжение сражающихся армий. При этом Гражданская оборона утрачивает гражданскую ориентацию и становится военным фактором первостепенного значения. В соответствии с брошюрой — наставлением, предназначенным для внутреннего пользования:

„Главным орудием осуществления защиты социалистического Отечества, обороны СССР являются Советские Вооруженные Силы. Однако их мощь находится в прямой зависимости от всесторонней подготовки и четкой работы тыла. Вот почему защита тыла страны является важнейшей государственной задачей. От полноты проведения мероприятий по гражданской обороне в значительной степени зависит решение и многих военных вопросов: мобилизации и подготовки резервов, обеспечения боевых операций, ликвидации последствий ядерного нападения.”³²

По словам маршала Гречко:

„Важное значение в современных условиях приобретает обеспечение высокой живучести экономики страны в случае нападения агрессора и быстрого превращения военно-экономического потенциала в реальную военную силу.

Экономика государств как материальная база войны все больше и больше становится объектом вооруженного воздействия.

Современная война требует создания надежной защиты не только отдельных объектов, как это было в минувшую войну, а тщательно продуманной и организованной системы мероприятий по обеспечению устойчивости работы всего народного хозяйства и надежной защиты населения на всей территории страны. Особую роль в выполнении этой задачи играет Гражданская оборона, которая выступает теперь как фактор стратегического значения в обеспечении жизнедеятельности государства”.³³

В любой данный момент, а особенно в периоды серьезной международной напряженности, все должно быть готово для войны, как в армии, так и в глубочайшем тылу. Такая формулировка военно-стратегических запросов несовместима с традиционной военно-экономической доктриной, которая не в состоянии предложить их удовлетворительное решение. Роль военной промышленности, военно-технического потенциала, координирования гражданских отраслей, резервных производственных

мощностей, снабжения, транспорта, служб, рабочей силы, равно как и множество других аспектов военно-экономической доктрины и практики потребовали радикального пересмотра.

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

В теоретических дебатах, начавшихся в середине 50-х годов и продолжавшихся в течение 60-х и 70-х годов, военно-экономические проблемы занимали основное место.³⁴ Центральный теоретический вопрос состоял в том, может ли военная стратегия ограничиться территориальной сферой активности вооруженных сил и военных операций или же она должна охватывать всю территорию воюющих государств. В век, когда стало невозможным отделить фронт от тыла, когда мобильность войск резко возросла, а оперативный радиус стал практически неограниченным, когда разрушительная мощь тактического ядерного оружия затмила совокупную огневую мощь великих армий прошлого, военные стратеги не могут не быть озабоченными проблемами тыла, особенно — деятельностью ключевых секторов экономики. Эта точка зрения получила поддержку советского военного и политического руководства. Политические аспекты военной стратегии находятся исключительно в ведении Совета обороны и Политбюро, но в подготовку страны к войне вовлечены и военные стратеги.

В начале 60-х годов редакционная коллегия советского военно-теоретического журнала „Военная мысль” созвала совещание, посвященное преподаванию военной экономики в академиях и офицерских школах.³⁵ Участники совещания подчеркивали неотлагательную потребность в широких военно-экономических исследованиях для обеспечения интенсивного, всестороннего военно-промышленного развития и подготовки стран на случай ядерной войны. Через несколько месяцев после совещания детальная программа преподавания и исследований была изложена в статье генерала Ф. Корниенко. Статья дает представление о соотношении проблем и приоритетов в рамках советской военно-экономической доктрины. Эта программа включала „проблемы жизнеспособности хозяйства” в военное время.

Эта тема была второстепенной в довоенной доктрине, но в ядерный век приобрела первостепенную важность. Генерал Корниенко утверждал, что хозяйство стало элементом войны в самом широком смысле этого слова, „в военно-стратегическом планировании задача подготовки потенциальных возможностей военной экономики и обеспечения ее жизнеспособности зависит, в основном, от военной стратегии”.

Генерал Корниенко выделил основные следующие направления исследований и преподавания:

- 1) военная экономика как специфическая организационная структура народного хозяйства;
- 2) современная война и народонаселение;
- 3) экономика как цель в вооруженной борьбе; экономическая победа в современной войне;
- 4) экономическая подготовленность обороны страны;
- 5) хозяйственная подготовка к войне, проводимая агрессивными империалистическими блоками;
- 6) хозяйственное обеспечение обороны стран Организации Варшавского договора.³⁶

Советские военачальники и теоретики придерживаются мнения, что важнейшей задачей военной экономики является подготовка хозяйства и наиболее важных элементов промышленности и трудовых ресурсов к ядерной войне обеспечением их выживания. В предисловии ко второму изданию „Военной стратегии” Соколовского говорится:

„Авторы не сочли возможным согласиться с предложением некоторых рецензентов об исключении из содержания военной стратегии исследования вопросов руководства подготовкой страны к войне. Такое предложение мотивировалось тем, что военная стратегия якобы должна заниматься исследованием вопросов руководства только вооруженными силами, а подготовка страны в военном отношении — это, мол, дело политики.

Можно ли так механически разделить эти две взаимосвязанные стороны единого процесса руководства?”³⁷

Та же мысль подчеркивается в Советской Военной Энциклопедии.

„СТРАТЕГИЯ ВОЕННАЯ, составная часть *военного искусства*, его высшая область, охватывающая теорию и практику подготовки страны и вооруженных сил к войне, планирования и ведения войны и *стратегических операций*”.³⁸

Подготовка экономики к войне была своего рода обертоном на протяжении всей советской истории, но с 1960-х годов военные соображения стали определяющими в общехозяйственном развитии.

В отличие от политики прошлых лет, современная советская военно-экономическая политика не ограничивается ориентацией гражданских отраслей хозяйства на военные нужды и увеличением военных и государственных резервов. Нынешняя программа подготовки военной машины и хозяйства к войне включает ряд совершенно новых задач в дополнение к тем, которые решались раньше, но и они радикально изменились. Несколько примеров помогут разъяснить это положение. До 50-х годов размещение промышленности в значительной мере определялось требованием, чтобы основные ее центры находились в глубине территории страны (например, Уральско-Кузнецкий бассейн). С начала 50-х годов, когда Советский Союз только приступал к выработке новой стратегии и военной доктрины, приспособленной к возможности ядерной войны, прежние соображения относительно размещения промышленности подверглись полному пересмотру. В эпоху ракетно-ядерного оружия наиболее выгодным с военной точки зрения стало максимальное *рассеивание промышленных объектов* в виде небольших кустов по всей территории страны. Было также рекомендовано подземное размещение хотя бы некоторых элементов новых предприятий. Это существенно увеличило издержки и повлияло на всю совокупность советских оборонных расходов и военно-экономическое планирование.

Около 25 лет назад глава кафедры военной экономики Академии Генерального штаба говорил:

„Нельзя, конечно, согласиться с тем, что воздействие на экономику наиболее быстро решит вопрос победы. Только отдельные страны с относительно небольшой территорией, с большим процентом городского населения, с сильно сконцентрированной промышленностью могут быть более или менее быстро выведены из войны. Коалиции же союзных государств имеют огромные территории, на которых расположены многие сотни тысяч экономических объектов, главнейшие из которых обеспечены рядом мероприятий по ПВО, вплоть до укрытия их под землей; имеются большие запасы разных материальных средств в надежных укрытиях”.³⁹

Убеждение, что подземные предприятия смогут пережить обмен ядерными ударами и продолжать производство, основано на военном опыте Третьего Рейха. В конце второй мировой войны выяснилось, что немецкие подземные заводы, нефтеперерабатывающие и складские мощности относительно мало пострадали от массированных ударов союзных военно-воздушных сил.⁴⁰ Этот факт был оценен советскими специалистами, занятыми выработкой военно-экономической политики в ядерный век. В классической работе маршала Соколовского „Военная Стратегия” подчеркивается:

„С точки зрения противоядерной защиты особо важные промышленные предприятия лучше всего размещать под землей, в заблаговременно подготовленных для этого помещениях. Немцы в минувшую войну предполагали построить около 9 млн. м² подземных помещений для укрытия промышленности. Однако к концу войны они сумели построить только 1,5 млн. м². Естественно, что в современных условиях подготовка подземных площадей должна развиваться особенно широко...”

При новом наземном строительстве промышленных предприятий учитывается необходимость повышения их живучести. Наиболее ценное оборудование размещается

в особо прочных помещениях под бетонными укрытиями; заранее подготавливаются материалы и оборудование для быстрого восстановления разрушений. Конечно, укрыть под землей значительную часть промышленных объектов непосильно для экономики любого, даже самого мощного государства. Поэтому такие укрытия применяются лишь на важнейших объектах..."⁴¹

В конце 60-х — начале 70-х годов концепцию рассредоточения промышленности стали еще более усиленно подчеркивать и разрабатывать. Автор вышедшей в 1981 г. и предназначенной для высшего советского комсостава книги утверждает, что в ракетно-ядерный век перемещение центров тяжелой и военной промышленности во внутренние районы страны перестает иметь какой-либо смысл. Для повышения защищенности хозяйства...

„... исключительно важное значение имеет также улучшение размещения производительных сил, сочетающее рост эффективности экономики и интересы повышения ее живучести в условиях войны...

Предусматривается дальнейшее ограничение роста больших городов, развитие экономических перспективных малых и средних городов с размещением в них небольших предприятий, филиалов и специализированных цехов действующих объединений.

Совершенствование территориальной структуры народного хозяйства означает всемерное развитие каждого территориально-производственного комплекса во взаимосвязи с другими комплексами, рассматриваемыми как звенья единого хозяйственного организма, поэтому оно включает рационализацию транспортно-экономических связей. Большую роль играет развитие магистральных транспортных коммуникаций... Но не менее важное значение имеют работы по созданию единой энергетической системы страны путем объединения Единой энергетической системы европейской части с энергосистемами Сибири, Казахстана и Средней Азии, для чего сооружаются сверхмощные дальние линии электропе-

редачи. Этим же целям служит создание единой системы нефте- и газоснабжения страны. Строятся трубопроводы для мощных потоков нефти и газа из северо-западных районов Сибири и Средней Азии в европейскую часть, а также нефтепроводы из северо-западных районов Сибири к нефтеперерабатывающим заводам восточных районов страны”.⁴²

Недавно созданные территориально-производительные комплексы, наряду с находящимся в стадии строительства Сибирским газопроводом, имеют, поэтому, с советской точки зрения, не только экономическое, но и военно-стратегическое значение. Они призваны стать частью заново созданной военно-экономической инфраструктуры, отвечающей требованиям ядерного века. Как отмечалось выше, современная советская военно-экономическая доктрина принимает в расчет две альтернативные возможности относительно продолжительности войны будущего: конфликт может быть затяжным или же весьма кратким. Затяжная война требует приготовлений, подобных имевшим место в прошлом, включая милитаризацию гражданской промышленности. Маршал Гречко писал по этому поводу, что „в современных условиях необходимо обеспечить как высокую вероятность экономического выживания страны в случае нападения агрессора, так и быструю трансформацию военно-экономического потенциала в фактическую военную мощь”.⁴³

Эта идея была более детально сформулирована Соколовским:

„В современных условиях трудно рассчитывать на значительное развертывание новых военных производств с началом войны, как это было в прошлом... Одним из важных условий быстрого отмобилизования промышленности является стандартизация предметов снабжения вооруженных сил...”⁴⁴

Аналогичная линия военно-экономического мышления прослеживается в статье тогдашнего начальника Генерального штаба советских вооруженных сил маршала Огаркова. Следует

отметить, что статья Огаркова была помещена в теоретическом журнале КПСС, что указывает на ее официальный характер. Огарков в этой статье утверждает, что

„Ныне, как никогда, требуется согласованность мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и народного хозяйства в целом, особенно в использовании людских ресурсов, транспорта, связи, энергетике, в обеспечении устойчивости и живучести хозяйственного механизма страны. В связи с этим необходим постоянный поиск в области совершенствования системы производственных связей предприятий, выпускающих основные виды оружия, повышения на случай войны автономности производственных предприятий и объединений по энерго- и водоснабжению, их полного обеспечения необходимыми запасами, создания резерва оборудования и материалов. Требуется дальнейшее совершенствование и самой системы мобилизационной готовности народного хозяйства, исходя из того, что тесная взаимосвязь мобилизационной готовности Вооруженных Сил, народного хозяйства и гражданской обороны — важнейшее условие поддержания на должном уровне обороноспособности страны в целом“.⁴⁵

Неэффективность советского хозяйства общеизвестна. Однако весьма немногие из западных специалистов связывают ее с подчинением разработки и производства товаров военным соображениям. Транспортные мощности, металлургические заводы, молочные фермы и даже школьные здания строятся с расчетом их быстрого обращения на военные нужды или функционирования в условиях военного времени. Например, большая часть советского торгового флота построена так, чтобы суда были в состоянии выполнять военные задачи. Все советские сухогрузные суда принадлежат к типу Ro-Ro, т. е. являются, в первую очередь, военно-вспомогательными. Западные же владельцы предпочитают строить контейнеровозы, более практические с коммерческой точки зрения.⁴⁶ Обеспечение торговых судов экипажами также диктуется военными

соображениями. Советские торговые суда формируют команды только из советских граждан, в то время как западные судовладельцы пользуются услугами преимущественно многонациональных команд, на которых нельзя положиться в миссиях военного назначения. Советские авиалайнеры могут быть использованы в военно-транспортных целях, как и советские автобусы, подвижной состав железных дорог и т. д. Советские молокозаводы оборудованы специальными центрифугами, применимыми для производства кровяной плазмы.

Как дороги бы ни были подобные меры предусмотрительности, они представляют собой только частицу всей суммы приготовлений, на случай атомной войны. Другой весьма дорогостоящей частью той же программы является создание уже упоминавшихся территориально-производственных комплексов. По данным советских военных источников, назначение этих комплексов состоит в том, чтобы уменьшить, насколько это возможно, уязвимость советской промышленности в ходе войны.⁴⁷ Этот хозяйственно-технический феномен генерал Епишев описывал, как „комбинированную военно-техническую политику“, т. е. политику, основанную на предпочтении промышленно-технических решений, полезных с военной точки зрения.⁴⁸ Эта характеристика военно-экономической политики дает представление о наиболее существенных сдвигах в советской военно-экономической доктрине и практике в послевоенный период. Обобщая, можно сказать, что были пересмотрены два принципиальных фактора этой доктрины — время и пространство. Соответственно, был существенно изменен и мобилизационный аспект.

С конца 1950-х годов советские военные теоретики утверждали, что в эпоху ракетно-ядерного оружия факторы *времени и пространства* в защите производственных мощностей от вооруженных налетов и для увеличения производства после начала войны использовать невозможно. Только специально отобраные, надежно запрятанные и рассеянные по стране заводы и склады имеют шанс пережить первый ядерный удар, в то время как большая часть промышленности будет выведена из строя. В связи с этим, военно-экономический потенциал стал оцениваться дифференцированно для трех возможных ситуаций — мир,

непродолжительная война и затяжная война. Именно из этих соображений важная роль была отведена стандартизации военного и гражданского оборудования, особенно запасных частей. В дополнение к шестимесячным запасам и хорошо разработанной системе ремонтных мастерских, стандартизация понималась как необходимое условие для возобновления производства после ядерного нападения.⁴⁹ Маршал Соколовский описывал этот подход в целом как политику *упрощения и рассеивания мобилизационных мер*.⁵⁰

С экономической точки зрения упрощение и рассредоточение мобилизационных мер неизбежно приводит к значительным денежным затратам, которые могут оказаться сравнимыми по величине с „чисто военными” ассигнованиями. Эти последние можно отнести к двум категориям. „Чисто военные” расходы связаны с возрастающей мощностью промышленности вооружений, с увеличением масштаба производства и объема поставок оружия, с постоянной его модернизацией, с созданием обширных материальных резервов, интенсификацией исследований, разработок и снабжения вооруженных сил все большим количеством вооружения, боеприпасов, продовольствия и одежды. Другая категория расходов может быть названа полувойска. Это затраты на рассредоточение промышленности, строительство подземных сооружений, создание специальных производственных мощностей и водно-энергетических инфраструктур, стандартизацию производственных предприятий и т. д. Полувоенные меры подсобного характера распространяются на промышленность других стран Организации Варшавского договора. Нужно подчеркнуть, что никакая серьезная дискуссия на тему современной советской военно-экономической доктрины не может иметь места без учета роли этих стран.

Кроме того, перед советской военной экономикой ядерного века поставлены две „внешние” проблемы: 1) что должно быть предпринято для быстрого и эффективного уничтожения военно-экономического потенциала противника и 2) какого рода приготовления необходимы для использования ресурсов, пострадавших от ядерной бомбардировки оккупированных вражеских территорий. Эти задачи могут показаться противоречащими одна другой, однако смысл их в том, что в Советском

Союзе разрушительный эффект ядерного оружия, наряду с другими видами деятельности, является объектом планирования. Считается, что „правильное” военное планирование может обеспечить одновременное выполнение обеих задач. Практически это означает, что цели для ядерных и химических ударов выбираются таким образом, чтобы сломить хребет противника, но сохранить ценные элементы его экономических ресурсов на предмет их последующего использования для восстановления советской военно-экономической мощи.

Впервые о разработке программы более „эффективного” использования ядерного оружия стало известно от полковника Пеньковского. Обсуждая статью генерала М. Горюкова, предложившего исследовать в интересах оптимизации взрывного эффекта геологические структуры Соединенных Штатов, Пеньковский заметил:

„Вскоре некоторые из моих коллег, возможно, помощники военных атташе в Вашингтоне, Лондоне или Париже, начнут скупать геологическую литературу и карты районов концентрации населения и промышленности, так что Горюков и его аналитики смогут рассчитать силу и тип оружия и точную высоту взрыва, получая оптимальное выпадение радиоактивных осадков в зоне каждой цели”.⁵¹

Предсказание Пеньковского оправдалось. В начале 60-х годов при Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) была создана специальная группа, так называемый Отдел технико-экономических исследований. Задача сотрудников этого отдела — экономико-географический анализ мира, в первую очередь стран НАТО, на предмет определения наиболее уязвимых мест в военно-экономическом потенциале объектов изучения. Отдел готовит также рекомендации, — какие объекты следует пощадить для дальнейшего их использования Советской армией. В статье, опубликованной в журнале „Военная мысль” в 1961 г., подчеркивается именно эта функция:

„Очень важно определить, какие неприятельские объекты и районы должны быть оставлены в сохранности или быстро восстановлены для использования в интересах укрепления экономического потенциала нашей страны и снабжения войск”.⁵²

Комментируя особенности советской военной экономики, Дж. Д. Дуглас высказал предположение, что оккупационные части Советской армии в Европе после будущей войны будут в большей мере снабжаться путем реквизиций, нежели поставками из Советского Союза:

„Идея реквизиций приобретает особый смысл в контексте глобальной ядерной войны, одной из важнейших задач которой будет захват Европы и использование ее ресурсов для восстановления Советского Союза”.⁵³

И „внутренние”, и „внешние” проблемы современной военной экономики более чем когда-либо связаны с советской военно-экономической теорией и политикой. Беспрецедентное количество производимого и запасаемого оружия, высокие темпы научно-технического прогресса, массовый экспорт вооружений, растущая стоимость военной инфраструктуры и многие другие явления в области производства и поддержания военного оборудования создали целый ряд военно-хозяйственных проблем, влияние которых сказывается на всем советском хозяйстве. Множество тревожных вопросов, не нашедших до сих пор своего решения, должны быть решены безотлагательно. В этом, пожалуй, и кроется причина оживления советской военно-экономической теории и практики.

ВЫВОДЫ

Советская военно-экономическая доктрина развилась как составная часть военной доктрины и рассматривает экономический потенциал страны. Централизованная система хозяйства и традиционно-милитаристские настроения советских вождей, военный образ мышления и военное планирование сказались на

характере экономического развития Советского Союза.

В итоге государственное хозяйственное планирование оказалось перед выбором между краткосрочной задачей увеличения военного производства, наряду с подъемом экономической базы страны, и долгосрочной задачей развития более совершенной промышленной технологии и современных производственных мощностей, без которых современное оружие не может быть создано. Не в состоянии отдать предпочтение ни тому ни другому, советская экономическая политика в течение послевоенного периода металась между этими двумя целями, что сделало необходимым более современный и более общий подход к решению военно-экономических проблем.

Конкретизация влияния военно-экономической доктрины на советскую экономику требует дальнейшего изучения, без чего невозможно понять смысл советской военной политики и составить реалистическое представление об успехах и провалах советской экономики.

Примечания

1. Н. И. Азовцев, В. И. Ленин и советская военная наука, М., Воениздат, 1981 г., с. 18–19.
2. Vladimir Petrov, "New Dimensions of Soviet Foreign Policy," in Franklin D. Margiott, ed., *Evolving Strategic Realities: Implications for U.S. Policymakers* (Washington, D. C.: National Defense University Press, 1980), p. 15. Стоит также отметить, что Советский Союз отказался поддержать планы Ачесона и Лилиентала по контролю над обычным и ядерным оружием и отверг план Эйзенхауэра по снижению военных расходов развивающихся стран и распределению высвобожденных средств среди господствующих народов Азии и Африки; Scott and Scott, *Soviet Art of War*, p. 123; Miroslav Nincic, *The Arms Race: The Political Economy of Military Growth* (Eastburne: Praeger, 1982).
3. А. Сахаров. Опасность термоядерной войны. Открытое письмо дру Сиднею Дреллу. Горький, 2 февраля 1983 г. РСЕ/РС, Архив Самиздата, выпуск 25/83, с. 15.
4. Edward Lipinski, "Orientacja prawdziwie glowna" (A. Truly Paramount Orientation), in *Krytyka* (Warsaw and London), no. 5 (1982): 219.
5. Генерал-майор С. Козлов. Развитие советской военной науки после второй мировой войны. Военная Мысль, № 6, 1968. Цитируется по Joseph A. Douglass, Jr., *Soviet Military Strategy in Europe* (New York: Pergamon Press, 1981), p. 20. См. также: Академия Генерального Штаба. М., Воениздат. 1976. с. 127–129, и А. А. Епишев (ред.). Партия и армия. М., Воениздат, 1977, с. 252.
6. Соколовский (ред.). Военная стратегия. Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1962. с. 327.
7. Академия Генерального Штаба. с. 129–131. Военная Академия им. Фрунзе. М., 1980. с. 196.
8. *The Penkovsky Papers*, introduction and commentary by Frank Gibney (New York: Ballantine Books, 1982), p. 162.
9. XXII съезд КПСС. 1961 г. Стенографический отчет. т. II. ГИПЛ. М., 1962. с. 113.
10. *Penkovsky Papers*. p. 168.
11. В. Д. Соколовский, цит. работа, с. 229, 233.
12. *Penkovsky Papers*, p. 168.
13. История военного искусства. Учебник. М., Воениздат. 1979, с. 281, 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат. 1968, с. 480; Geoffrey Jukes, *The Development of Soviet Strategic Thinking Since 1945* (Canberra: Australian National University Press, 1972); Raymond L. Garthoff, *Soviet Strategy in Nuclear Age*, rev. ed. (New York: Praeger, 1962); C. G. Jacobsen, *Soviet Strategic Initiatives: Challenge and Response* (New York: Praeger, 1979).
14. Steve F. Kime, "The Soviet View of War", in Graham D. Vernon, ed., *Soviet Perceptions of War and Peace* (Washington, D.C.: National Defense University Press, 1981), pp. 55–58.
15. Б. Т. Григориан. Детерминизм и случай в истории в контексте проблем войны и мира. Вопросы философии, № 9, 1982. с. 36–49, Г.В. Средин. Проблемы войны и мира в современную эпоху. Вопросы философии. № 10, 1982, с. 3–15.
16. Средин. Проблемы войны и мира. с. 11.
17. Ядерная война есть „катастрофа, которую нельзя допустить. Такая вещь как „ограниченная” война не представляется более реальной, а вера в возможность победы особенно неверна” – Л. И. Брежнев. Интервью журналу "Der Spiegel", 2 ноября 1981 г. – обратный перевод с английского. – Ред.
18. Средин. Проблемы войны и мира. с. 12.
19. В. Г. Стрекозов. Оборонная работа местных советов. М., Юридическая литература. 1981.
20. Rebecca V. Strode and Colin S. Gray, "Empire and Soviet Power," in *Problems of Communism*, November–December 1981, pp. 1–15; Jacobsen, *Soviet Strategic Initiatives; The Strategic Intentions of the Soviet Union: Fallacies in Western Assessment*, Report of a Study Group of the Insti-

tute for the Study of Conflict, London, March 1978; Leon Goure, Foy D. Kohler, and Mose L. Harvey, *The Role of Nuclear Forces in Current Soviet Strategy* (University of Miami: Center for Advanced International Studies, 1974); Richard Pipes, "Why the Soviet Union Thinks It Could Fight and Win a Nuclear War." *Commentary* 64 (July 1977); Robert L. Arnett, "Soviet Attitudes Towards Nuclear War: Do They Really Think They Can Win?" *Journal of Strategic Studies* 2 (September 1979); Derek Leebaert, ed., *Soviet Military Thinking* (London, 1982). Классическим примером упрощенчества и выдавания желаемого за действительность является статья Карла Густава Штрема в "Die Zeit" от 8 февраля 1977 г. Штрем пишет: „В отличие от Хрущева, считавшего ... в свои поздние годы, что ядерная война приведет к полному разрушению, ... маршал Куликов ... готов подумать о том, перед чем останавливаются западные военные — принять ли идею атомного ада". Штрем ошибается по двум пунктам. Не только маршал Куликов, но и все советское руководство придерживается подобных взглядов, точно так же, как и Хрущев, когда он был у власти. Хрущев „стремился довести уровень производства ракет до десятков тысяч, грозить ими Западу и, как он выражался, „похоронить капитализм". В этом отношении даже наши маршалы и генералы считали его провокатором, поджигателем войны". (См. Penkovsky Papers, с. 127) Другой пример упрощенческого прочтения литературы дает посол Рэймонд Гертхар, бывший заместитель директора Ведомства по военно-политическим делам при Государственном департаменте Соединенных Штатов. См. "A Garthoff—Pipes Debate on Soviet Strategic Doctrine," *Strategic Review*, Fall 1982, pp. 36—63, and Winter 1983, pp. 57—64.

21. John Erickson, "The Soviet View of Deterrence: A General Survey," *Survival* 24 (November—December 1982): 243—45.

22. Ibid., p. 244.

23. В конце 50-х и начале 60-х годов автор этих строк был лектором Военной Академии в Варшаве. Внедрение в сознание слушателей веры в то, что ядерная война может быть выиграна, стало одной из наиболее важных психологических задач военного образования и подготовки. Это, впрочем, осложнялось неверием самих преподавателей в преподаваемую догму.

24. Kime, "The Soviet View," p. 53.

25. Программа КПСС. М., Госполитиздат. 1971. с. 111.

26. Азовцев. Ленин и советская военная наука. Цит. раб.

27. В своем первом публичном выступлении 21 декабря 1982 г. Юрий Андропов заявил, что Советский Союз будет производить свою собственную версию крылатых ракет и межконтинентальных ракет типа МХ. Поскольку это было заявлено открыто, не может быть сомнений, что Советский Союз разрабатывал эти виды оружия, вне всякой зависимости от их принятия странами НАТО. Есть основания предполагать, что будучи разработанными, произведенными и принятыми в массовых масштабах, они окажутся более разрушительными, чем сходные западные модели. Это подтверждается и тем, что Советский Союз первым создал водородную бомбу и космические ракеты. См. Michael Mihalka, "Soviet Strategic Deception, 1955—1981," *Journal of Strategic Studies* 5 (March 1982): 40—93.

28. Уничтожение в сентябре 1983 г. корейского гражданского авиалайнера может служить примером такого подхода. Другим примером является отказ Советского Союза и его союзников соблюдать предписания подписанных ими Хельсинкских Соглашений.

29. Азовцев. Ленин и советская военная наука. с. 31—32.

30. Концепция зон большей „способности к выживанию" в ходе ядерной войны будет обсуждаться ниже.

31. Colonel M. P. Skirdo, *The People, the Army, the Commander (1870)*, Ottawa: Secretary of State Department, pp. 9—16.

32. Стрекозов. Оборонная работа местных советов. с. 48.

33. Grechko, *The Armed Forces of the Soviet State* (1975), translated from the Russian under the auspices of the U. S. Air Force (Washington D.C., 1975), p. 90 — обратный перевод с английского. — Ред.

34. Дебаты открылись статьей генерала Н. А. Таленского, опубликованной в 1959 г. в журнале „Военная Мысль" под заголовком „Проблемы факторов победы в современной военной науке". Роль Таленского и его аргументы описаны Г.Ф. Скоттом, редактором аналогичной версии книги Соколовского.

35. О разработке военно-экономических проблем. *Военная Мысль*. № 4, 1966. с. 91, 92 (Название статьи переведено с англ., — Ред.)

36. А. Корниенко. Военная экономика как область исследования. Военная Мысль, № 8. 1966. с. 30–34. (Название статьи переведено с англ. – Ред.).
37. Sokolovskiy, *Soviet Military Strategy*, p. XIII (Перевод с англ. – Ред.).
38. Советская Военная Энциклопедия. т. 7. М., 1972. с. 555–556. Курсив мой. – М. X.
39. А. Н. Лаговский. Роль экономического фактора в войне. М., Воениздат. 1959. с. 18.
40. Соколовский, с. 384
41. Там же.
42. А. И. Пожаров. Экономические основы оборонного могущества социалистического государства. М., Воениздат. 1981. с. 66–67, 107–108.
43. Grechko, *Armed Forces*, p. 89. (обратный перевод с англ. – Ред.)
44. Соколовский, с. 383.
45. Н. Огарков. На страже мирного труда. Коммунист, № 10, 1981. с. 89.
46. "Red Sails: Soviet Merchant Fleet Poses Dual Problems for the West," *Wall Street Journal*, July 26, 1983, pp. 1, 8.
47. Рекомендация к семинару. Коммунист Вооруженных Сил, № 17, 1981. с. 20.
48. Епишев. Партия и армия. с. 246.
49. *The Role of the Military Representatives in the Soviet Defense Industry: A Case Study of the 3896th Military Representative Group (MRG) in Riga*, BDM Corporation, Virginia, May 1981, pp. 45–46.
50. Соколовский, с. 384.

51. *Penkovsky Papers*, p. 165.
52. М. Широков. Военная география на современном этапе. Военная Мысль, № 11, 1966 (обратный перевод с англ. – Ред.).
53. Douglass, *Soviet Military Strategy*, p. 69.